

УДК 069.01

А. Н. Балаш

ВЕЩЬ В МУЗЕЕ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДЬБЕ «ПРЕДМЕТА МУЗЕЙНОГО ЗНАЧЕНИЯ»

В одном из учебных фильмов, посвященных освоению практик современного искусства и адресованных детской аудитории Тейт Модерн на портале Tate Kids (*Film 1. «Orthus looks at transformation»*), визуализирована стратегия, которую можно интерпретировать как аналог процесса трансформации вещи в музейный предмет.

Изучая инсталляцию как творческий метод на примере работы современной британской художницы Корнелии Паркер «Тридцать серебряных фрагментов» (*Cornelia Parker, Thirty Pieces of Silver*), использовавшей в качестве материала разнообразный серебряный лом (предметы сервировки, посуда, подсвечники, части духовых музыкальных инструментов), дети, участвовавшие в этом фильме, создают свою инсталляцию «Серебряная клетка» из предметов повседневности, выбор которых совершенно случаен – терка, сито, кукла Барби, шляпа, искусственный цветок, игрушечный пистолет и т.п.

Показателен процесс трансформации, которому участники фильма подвергают оказавшиеся в их руках предметы. Сначала они мнут и ломают их, прыгая по разложенным на полу вещам, лишая их функционального смысла и морфологической целостности. Затем окрашивают получившиеся поврежденные и фрагментированные «бывшие вещи» при помощи баллона с аэрозольной серебряной краской, стирая последние черты их уникальной маркированности, уравнивая их семиотический статус и превращая в артефакты новой, условной реальности.

Следующий шаг – получившиеся таким образом объекты развешиваются на смонтированной в пространстве вертикальной структуре-«клетке». В результате чего возникает новый текст, новое визуализированное высказывание, ставшее следствием творческой деятельности детей и игровой ситуации, в которой было создано их произведение.

Эта инсталляция (ее сценарий, а точнее, музейно-педагогическая программа) апеллирует к нескольким типологическим для музея и музейной реальности принципам, связанным с выбором и изъятием вещи из повседневного контекста и перенесением ее в мир знаков и их значений, в мир ценностей большой культуры и «музеальности», в котором вещь превращается в музейный предмет.

Вещь как феномен культуры привлекла особое внимание мировой гуманитарной мысли во второй половине XX в. и сегодня продолжает оставаться в центре научного дискурса. Опираясь на данные этнологии, социологии и истории (прежде всего в рамках исследований по истории повседневности и истории ментальных парадигм), обобщая опыт осмысления предметного мира в литературе и изобразительном искусстве, философы и антропологи, социологи и культурологи, специалисты в области семиотики культуры смогли создать многомерный образ вещи в культуре.

Основополагающие предпосылки осмысления феномена вещи были введены в современную философию культуры М. Хайдеггером в его выступлении «Вещь» в Баварской академии изящных искусств в 1950 г. и в работе «Исток художественного творения» (1935 – 1956 гг.).

Ставя перед собой задачу «постигнуть вещное в вещи»¹, М. Хайдеггер акцентировал ее глубинный онтологический смысл как творения, при создании и использовании которого человеку открываются потаенные аспекты мироздания. Немецкий философ назвал основополагающие категории, определяющие сущность вещи: укорененность ее вещественных и формальных аспектов (ее *морфологии*) в источнике бытия (из которого следует и эмоциональность, «чувственный напор»² вещи), *служебность* по отношению к человеку, которая находит прямое отражение в морфологии предмета, определяет его судьбу и его связь с традициями культуры, а также способность преодолевать отчуждение и устанавливать *близость* человека и мира, также как близость самому себе: «Веществование есть приближение мира. Приближение – существо близости. Щадя вещь как вещь, мы поселяемся в близком»³.

В отечественной гуманитарной мысли наиболее авторитетными стали концепции В. Н. Топорова, на материалах изучения древних культур, русской классической литературы и неомифологии представившего широкомасштабный образ вещи «в антропоцентрической перспективе»⁴, Ю. М. Лотмана⁵ и Г. С. Кнабе⁶, акцентировавших исторические аспекты бытования вещи в культуре, значимость культурного контекста для ее исследования и интерпретации; А. К. Байбурина⁷, изучавшего семиотический статус вещей и их включенность в ритуалы архаических культур, также как М. Н. Эпштейна⁸, трансформировавшего идею «близости» вещного мира и человека М. Хайдеггера в выразительную концепцию «лирического музея», подчеркнувшего значение индивидуального прочтения культурного наследия.

Безусловно, опыт этого гуманитарного дискурса должен быть актуализирован в музеологии, осмысляющей феномен музея и музейности, механизм аккумуляции и трансляции культурного наследия человека в его памятниках и артефактах.

Современная музеологическая мысль предлагает нам рассматривать судьбу вещи в музее как процесс, связанный с ее отбором и изъятием из естественной среды бытования в качестве «предмета музейного значения», ее исследование и сохранение в качестве «музейного предмета», а также вовлечение в широкие коммуникативные системы в рамках взаимодействия музея и общества в качестве «музейного экспоната». В этой системе два последних этапа обладают безусловным статусом: в качестве музейного предмета и экспоната вещь, даже самая простая, обретает авторитет уникального исторического свидетельства, неоспоримой ценности. Тогда как первый этап – отбор вещи в качестве «предмета музейного значения», – кажется менее однозначным и наиболее уязвимым. «Присмотрись внимательно к тому, что видишь рядом с собой каждый день. Будь уверен, некоторые из

¹ Хайдеггер М. Вещь и творение // Он же. Исток художественного творения. М., 2005. С. 91.

² Там же. С. 101.

³ Хайдеггер М. Вещь // Он же. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 316.

⁴ Топоров В. Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 7-111.

⁵ См.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.

⁶ См.: Кнабе Г. С. Вещь как феномен культуры // Музееведение. Музеи мира. М., 1991. С. 111-143; Он же. Древний Рим – история и повседневность: Очерки. М., 1986.

⁷ См.: Байбурина А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Под ред. А. С. Мыльникова. Л., 1989. С. 67-88.

⁸ См.: Эпштейн М. Н. Вещь и слово. О лирическом музее // Он же. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX – XX веков. М., 1988. С. 304-333.

этих вещей станут частью истории, может быть – даже попадут в музей! Как ты думаешь, какие? самые яркие? или, наоборот, заурядные?»⁹ – эти вопросы, обращенные к детской аудитории музейного фестиваля «Детские дни в Петербурге», при всей их непосредственности, являются также ключевыми и для теоретической музеологии.

Безусловно, попадая в музей, вещь переживает одну из наиболее существенных трансформаций в своей «культурной биографии», для осмысления которой эффективными могут оказаться методики, разработанные в смежных с музеологией гуманитарных дисциплинах.

Прежде всего, эффективна сама идея «культурной биографии вещей», сформулированная в работах американского антрополога И. Копытоффа и в целом принятая многими зарубежными и отечественными исследователями. В этой концепции особое внимание уделяется ситуациям, в которых происходит выделение вещи как уникальной и обретение ею в этом случае особого культурного статуса, связанного с деятельностью «общественных институтов уникализации»¹⁰.

Отвечая на вопрос И. Копытоффа: «Меняется ли использование вещи с течением времени, и что с ней случится, когда она исчерпает свою полезность?»¹¹, – российский социолог Л. Л. Шпаковская обозначила эту ситуацию как рубеж, на котором происходит «разрыв значений»¹². Следующим закономерным этапом в биографии вещи становится ее девальвация, при которой она не только утрачивает полезность, более не соответствует стилистическим предпочтениям эпохи, но и неизбежно ветшает. Девальвация закономерно приводит к разрушению и утрате большей части предметного мира эпохи, окончательно уходящей в прошлое. Предметы, по тем или иным причинам «выжившие» в этой ситуации, обретают несвойственную им ранее раритетность, а подчас и уникальность. «Вещи в пансемиотическом мире не терпят прагматических лакун и либо отправляются на свалку, либо начинают генерировать смыслы»¹³. Поэтому следующим этапом, который Л. Л. Шпаковская определяет как этап антикваризации, становится превращение предметов в знак, в символ памяти, прошлого, которые оказываются востребованными статусными социальными группами в качестве маркеров социального положения. Предметный мир прошлого, редкий и теперь уникальный, декорирует интерьер и становится предметом коллекционирования.

Принципиальность изменения статуса старинной вещи как знака прошлого, трансформацию ее сущностных характеристик акцентировал Ж. Бодрийяр в своем знаменитом тексте «Система вещей» (1968 г.): «Старинная вещь чисто мифологична, отсылая к прошлому. Она лишена какого-либо выхода в практику и явлена нам исключительно затем, чтобы нечто означать. Она неструктурна, отрицает структурность в принципе, знаменует собой совершенное отречение от первичных функций <...> в рамках системы у нее есть вполне специфическая функция: ею обозначается время <...> Старинная вещь вполне интегрируется в структуры «среды», поскольку там, где она помещена, она в общем пере-

⁹ Детские дни в Петербурге. Программа VIII фестиваля. 2012. (Буклет)

¹⁰ Копытофф И. Культурная биография вещей // Социология вещей. М., 2006. С. 155.

¹¹ Там же. С. 137.

¹² Шпаковская Л. Л. Старые вещи. Ценность: между государством и обществом // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html> (ссылка последний раз проверялась: 1.11.2012 г.).

¹³ Мельникова-Григорьева Е. Безделушка, или жертвоприношение простых вещей. М., 2008. С. 102.

живается как «теплый» элемент, в противоположность всему «холодному» современному окружению ...»¹⁴.

Следует согласиться с Л. Л. Шпаковской в том, что при выявлении причин трансформации семиосферы вещи в современной культуре наиболее яркую и характерную группу составляют предметы антиквариата как предметы престижного владения. Именно они демонстрируют роль статусных социальных групп в процессе реабилитации предметов ушедшей эпохи как старинных и уникальных.

Однако, предложенную модель продуктивно рассматривать шире, возвращаясь к обозначенному И. Копытоффым понятию «общественных институтов уникализации» и перенося его на музей как социо-культурный институт. В этом случае модель разрыва первичных значений и обретения новых смыслов можно использовать и для уяснения процесса трансформации вещи в предмет музейного значения и далее в музейный предмет.

При этом процесс переосмысления и ценностной реабилитации вещи как предмета музейного значения оказывается зависимым не столько от воли узкой группы (хотя данная концепция подчеркивает активную роль музейного и научного сообщества), сколько обусловлен объективными закономерностями культуры, механизмами преемственности и памяти.

И все же нельзя удовлетвориться лишь констатацией того факта, что в музее вещь обретает новую жизнь, следует признать двойственность ее нового положения, которую емко обозначил А. К. Байбури: «Попав в музейную коллекцию, вещь <...> навсегда становится «знаком». Ситуация специфическая и для вещей неестественная. В своей «нормальной жизни» они, в зависимости от контекста, могли использоваться то в одной, то в другой ипостаси. В музее их практическая значимость отошла на второй план»¹⁵. Утрата функциональности, нарушающая основополагающие свойства вещи, даже при ее восполнении новым символическим значением продолжает восприниматься как невосполнимая потеря. В связи с чем показательны воспоминания А. К. Байбурина о детских впечатлениях при посещении музея: «Когда я в детстве впервые попал в музей, именно это обстоятельство меня поразило больше всего. Вещи вроде бы настоящие, но что-то с ними не так. Ближайшей аналогией для меня был зоопарк, где звери были тоже настоящими, но жили ненастоящей жизнью. Для себя музей я тогда так и определил: «зоопарки для вещей»»¹⁶. И вслед за этим лирическим отступлением А. К. Байбури делает важное замечание, определяющее осмысленность пребывания вещи в музее: «знаковость всегда реализуется только в ситуации диалога человека с вещью, ибо сама по себе вещь ничего не значит»¹⁷. Думается, что диалог, о котором говорит исследователь, нужно понимать широко, не только как диалог вещи-экспоната и посетителя, но в первую очередь – как диалог вещи и музейного работника, усилиями которого она превращается в «музейный предмет».

Необходимость построения диалогических отношений с вещью, обусловленная ее зависимостью от человека в качестве его творения, для В. Н. Топорова превратилась в моральный императив: «Вещь <...> создана искусственно мыслящей рукой человека <...>

¹⁴ Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1995. С. 83-84.

¹⁵ Байбури А. К. Этнографический музей: семиотика и мифология // Неприкосновенный запас. 2004. № 1 (33). Электронная версия: <http://magazines.russ.ru/nz/2004/1/bab13.html> (ссылка последний раз проверялась: 1.11.2012 г.).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

С самого начала она несет на себе печать человека, его «часть» <...> отдается под покровительство человека и рассчитывает на него <...> Вещь окликает его как дитя, нуждающееся в отце»¹⁸. Такие «близкие» взаимоотношения следовало бы определить и как основу формирования профессиональной музейной этики.

Можно предположить, что служебность, функциональность вещи, как ее основополагающее свойство, в музее не уничтожается, но трансформируется. Вещь в музее по-прежнему лишена самодостаточности, зависима, и не только от музея и специалистов его функциональных подразделений (администрации музея, специалистов по первичному учету, хранителей, реставраторов, экспозиционеров и музейных педагогов), но также не теряет своей зависимости от тех, кем она была создана и кому служила в прошлом, хотя теперь эта связь превращает вещь в многомерный источник информации об эпохе, к которой она принадлежала.

Сегодня, в контексте общей тенденции визуализации культуры, вопрос о специфике вещественных источников, археография музейного предмета обретают особое значение в формировании механизмов исторической памяти¹⁹. Эффективное использование музейного предмета как особого типа источника позволяет в полной мере раскрыть его знаковую семантику для полноценной реконструкции той культуры, к которой он принадлежал, когда был просто вещью.

Ж. Бодрийяр в уже упоминавшейся ранее характеристике семиотического статуса старинных вещей обозначил границы возможного раскрытия потенциала старинной вещи в современной повседневной культуре: «будь она сколь угодно красивой, она все равно остается «эксцентричной», и даже при всей своей подлинности в чем-то кажется подделкой. Да она и действительно подделка, постольку поскольку выдает себя за подлинную в рамках системы, основанной отнюдь не на подлинности, а на абстрактно-исчислимом знаковом отношении»²⁰. И напротив: попадая в музей, вещь оказывается в контексте, максимально благоприятном для раскрытия всей полноты ее информационного потенциала. Уникальная роль в этом процессе принадлежит ее морфологии, способности музея и его сотрудников внимательно отнестись к этому базовому аспекту, суметь сохранить и интерпретировать его.

И только в этом случае возможно в полной мере раскрыть ту экспрессивность и информативность, которая сделает музейный предмет аттрактивным экспонатом. И только в этом случае можно эффективно восстанавливать все поле семиотических значений, которое связано с данным предметом и может быть использовано в диалоге музея и общества.

Причем эффективность отношений, устанавливающихся на одном из первых этапов – в фондовой работе, определяет продуктивность всех последующих взаимодействий. К сожалению, в некоторых крупных музеях, имеющих статус научно-исследовательских институтов, хранительская и научная работа разведены между разными специалистами, причем хранительская работа в этом контексте оценивается скорее как техническая – учет и мониторинг сохранности музейного фонда (следует опасаться, что с введением подготовки бакалавров музеологии эта ситуация получит широкое распространение). Такая

¹⁸ *Топоров В. Н.* Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина). С. 33.

¹⁹ От редколлегии // Археография музейного предмета: материалы междунар. науч. конф. Москва, 16 – 17 марта 2012 г. М., 2012. С. 7.

²⁰ *Бодрийяр Ж.* Система вещей. С. 84.

позиция оказывается мало эффективной по отношению к вещи в музее: хранитель осваивает ее на уровне морфологии, но не допущен к осмыслению ее историко-культурного контекста; исследователь, наоборот, лишен тактильного, близкого отношения с музейным предметом, что приводит его к умозрительности и формализации.

Результатом осмысленного, близкого отношения, складывающегося между вещью-музейным предметом и специалистом-музейщиком, являются новые убедительные атрибуты, интересные выставочные концепции, содержательные музейно-педагогические программы и инновационные образовательные проекты, что, в конечном счете, определяет полноту и эффективность реализации миссии музея в современном обществе.

Информация о статье

Автор: Балаш Александра Николаевна – канд. культурологии, доцент, Россия, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, alexandrabalash@gmail.com

Заглавие: Вещь в музее: размышления о судьбе «предмета музейного значения».

Абстракт: В статье предпринята попытка перенести основные положения общегуманитарного дискурса о месте вещи в контексте культуры в границы музеологической проблематики. Разработанные в смежных гуманитарных дисциплинах методы анализа социо-культурного статуса вещи, концепция ее «культурной биографии» рассматриваются как перспективные для применения в музеологии, позволяющие акцентировать роль музейных специалистов и музейной этики, процессов отбора и первичного изучения вещи в музее, трансформации ее значений в новом контексте.

Ключевые слова: музейный предмет, предмет музейного значения, культурная биография вещей, музей как социо-культурный институт.

Information on article

Author: Balash Alexandra Nicolaevna – Candidate of Science in Culturology, Associate Professor, Russia, Saint-Petersburg State University of Culture and Art, alexandrabalash@gmail.com

Title: Reflections on the fate of «an object of museum value».

Abstract: The paper endeavours to transfer the key thesis of general humanitarian discourse concerning the place of the object in cultural context towards the framework of museology problems. The analytical methods elaborated within adjacent humanitarian with respect of the social and cultural status of an object and the concept of its “cultural biography” are considered as prospective for usage in museology. They suppose to emphasize the role of museum experts and museum ethic, the process of selection and primary examination of an object in museum, transformation of its significance in new context.

Key Words: museum object, an object of museum value, the cultural biography of things, museum as a social and cultural institution.